

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

Татьяна Щепкина-Куперник

Театр в моей жизни

ФТМ

УДК 82/821
ББК 84-4

Щепкина-Куперник, Т.

Театр в моей жизни / Т. Щепкина-Куперник. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2020. – 548 с. – (Исторические хроники).

ISBN 978-5-521-74875-4

Татьяна Щепкина-Куперник, поэтесса, писательница, драматург, но больше всего успех сопутствовал ей в переводческой деятельности. До сих пор читатель знает в её переводах многие произведения Шекспира, Лопе де Вега, Мольера, Шеридана. По выражению Евгения Евтушенко «Щепкина-Куперник прожила две разные жизни». Одну в дореволюционной области, декадентскую, одну в зрелости – советскую. В своей книге воспоминаний «Театр в моей жизни» Татьяна Щепкина-Куперник рассказывает о театральной и литературной жизни Москвы времён Чехова, молодой Ермоловой, о Малом театре, о Художественном театре, об Александринке, о скандалах и бурных романах в богемной среде того времени.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821
ББК 84-4
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-74875-4

© Т8 RUGRAM, 2020
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.»,
2020
© Текст. Т. Щепкина-Куперник,
наследники, 2020

ГЛАВА ПЕРВАЯ

М. С. ЩЕПКИН

С первых дней моего детства, с той минуты, когда я впервые осознала свое «я», не помню такого времени, когда моя жизнь не была бы озарена магией театра. Может быть, это объясняется тем, что в семье моей матери — семье Щепкиных — все были близки театру. В нашем роду сохранялся культ Щепкина — мы все гордились и гордимся нашим великим предком. И гордиться есть чем. Щепкин, начавший свое учение «у дьячка за полтину денег и горшок каши», был одним из первых русских актеров, заставивших русское общество изменить свой взгляд на актера как на «комедианта», созданного на потеху праздной толпы, и начать уважать актеров как носителей высокой культуры. Он сумел по-настоящему привлечь к себе русскую интеллигенцию и слиться с ней. Он был не только великим артистом, но и воплощением лучших начал человеческого духа. Этот бывший раб страстно любил свободу; его «свободомыслие» пугало театральное начальство, и кружок его друзей внушал «подозрение в благонадежности». Щепкин был великим новатором, коренным образом изменившим сцену. Он заменил ложный пафос и искусственную читку, царившие до него на

сцене, подлинным реализмом, живой народной речью, ввел, по выражению Ф. Кони (известного критика и издателя театрального журнала «Пантеон»), «вместо пластического проявления — духовное проявление». Сам выйдя из недр народа, в совершенстве знавший его язык и психологию, Щепкин был первым истинно *народным* артистом, искусство которого доходило до всех зрителей без исключения. По признанию покойного К. С. Станиславского, заветы Щепкина легли в основание всей его системы. Эти заветы, переходившие от учеников великого актера к их ученикам, преемственно хранились на сцене Малого театра, и до сих пор щепкинская традиция живет на сцене в лучших ее представителях. Вся театральная Россия гордится этим именем. В 1938 году было отмечено по всему Союзу семидесятипятилетие со дня его смерти, и о Щепкине говорили с такой взволнованностью и теплотой, как будто только недавно пережили его потерю.

Хотя моего прадеда давно не было на свете, когда я родилась, но с первых дней моего существования «дедушка», как называла его моя мать, был для меня чем-то родным и близким. Этому помогали рассказы матери и тетки, помогал и стоявший у нас его бюст работы Опекушина, до сих пор хранящийся у меня, прекрасно передающий, по словам близких, все обаяние его умного, тонкого и доброго лица.

В Москве, куда я приезжала часто подростком и куда совсем переехала, окончив гимназию в Киеве, я встречала еще многих, лично знавших Щепкина. Среди них были его любимая ученица Н. М. Медведева, артистка А. И. Шуберт, режиссер Малого театра С. А. Черневский.

Из родственников Щепкина были тогда еще живы двое его сверстников: брат Абрам Семенович, доживший до девяноста лет, и невестка, жена сына Николая Михайловича, Александра Владимировна. Они жили в доме одного из ее сыновей. Я помню как сейчас небольшой деревянный особнячок, по-московски уютный, с антресолями, лесенками и чуланчиками, в котором жила большая, дружная семья. Абрам Семенович был небольшого роста, совсем белый старичок, с необычайно добрыми глазами. Он был старый холостяк, кандидат Московского университета. Своей семьи у него не было: ее заменила ему семья брата. Сперва племянники, потом их дети и, наконец, их внуки, которых он дождался; все любили его, привыкли на него смотреть как на неисчерпаемый источник интересных сказок, самодельных игрушек, поездок «верхом» на его плечах... В его спартански простой комнатке стоял шкаф с книгами в самодельных переплетах, сплошь исписанными его мелким почерком, и, когда дети спрашивали его, что такое в этих книгах, он серьезно отвечал им, что он «сочиняет новый язык», и это производило на них сильное впечатление. Почему-то из его рассказов запомнился мне один, как он в молодости постоянно видел во сне, что он делает какие-то великие открытия, долженствующие спасти человечество, — ни более ни менее. Но на утро он никогда не мог вспомнить, в чем было дело. Наконец он решил положить с собой рядом бумагу и карандаш с тем, чтобы, если проснется ночью, сейчас же записать свою мысль. Действительно, это удалось ему: ночью ему приснилось что-то необыкновенно значительное, он записал это лихорадочно — и тут же заснул крепчайшим сном молодости.

Проснувшись утром, он с волнением увидел, что на бумаге что-то записано, — само изречение, конечно, испарилось из его памяти. Он радостно схватил листок — и прочитал: «Воздух сух, как гвоздь...»

Надо ли говорить, что с тех пор он больше своих снов не записывал? Я живо представила себе его разочарование — может быть, потому, что мне тоже постоянно снились какие-то удивительные сны, которых я не могла запомнить, проснувшись, и его рассказ вызвал во мне полное сочувствие. Ничего великого ему совершить не удалось, но жизнь свою он прожил мирно и благополучно, самой верной нянькой для внучат был их любимый «Абятя», как они его звали. Он ходил в мягком тулупчике и валенках, которых не снимал и в комнатах, вроде деда Мороза, и таким и остался в памяти.

Александру Владимировну я помню худенькой, достойной старушкой, с тонкими чертами лица и маленькими руками, в неизменной черной кружевной наколке. Помню старомодный грациозный жест, с каким она держала в руках старинную хрупкую чашечку, чем-то напоминавшую ее самое. В доме сына у нее был свой флигель и девица-компаньонка. Все относились к ней с величайшим почтением, и каждое ее слово ценилось. Она была из культурнейшей семьи Станкевичей. Брат ее, Николай Владимирович, остался в истории русской литературы как глава знаменитого в свое время философско-литературного «кружка Станкевича». Он окончил словесный факультет Московского университета и сам писал главным образом стихи, но, как пишет С. Венгеров, «в качестве писателя он не имел значения, однако наложил печать свою на целый период русской литературы». Он

был человеком редкой нравственной красоты и обладал тонким критическим чутьем. Умер он молодым — двадцати семи лет, и имя его стало знаменем для молодого поколения 40-х годов, боровшегося с реакционными крепостническими взглядами. Среди участников этого кружка были Белинский, горячо любивший Станкевича, Аксаков, Грановский, посещали его Тургенев и Герцен. К этим людям 40-х годов принадлежала и Александра Владимировна, находившаяся под большим влиянием своего брата. Понятно, с каким благоговением я подростком смотрела на эту старушку, имевшую счастье близко знать людей, имена которых мне казались легендарными. Ее воспоминаниям я очень обязана тем, что могу себе живо представить быт и семейную жизнь Щепкина.

Всем интересующимся историей русского театра известно, как из маленького крепостного дворового мальчика выработался величайший артист русской сцены, именем которого и сейчас называется Малый театр — «Дом Щепкина», как во Франции театр Французской Комедии называется «Домом Мольера». Поэтому на фактах его биографии я задерживаться не буду — остановлюсь только на самой трагической странице из жизни Щепкина, которая, в общем, в дальнейшем протекла мирно, в патриархальном укладе и серьезном труде. Эта страница является одной из самых трагических для истории русского театра. Это — время, когда Щепкину, тогда уже знаменитому артисту, не удавалось получить «вольную». Как трудно в наши дни, и особенно молодежи, понять и представить себе, что артист, имя которого гремело по всей России, который был гордостью Москвы, совестью театра, которому платили огромные по тем

временам деньги за гастроли и которому шел уже четвертый десяток, мог быть *продан* со своей культурной и образованной семьей как лошадь или собака! Что о нем могли торговаться, объясняя, что «он дает большой доход», и рассчитывали, во сколько можно оценить его семью — всех этих будущих профессоров, общественных деятелей и артистов! Когда публика, в виде *бенефисного подарка*, хотела выкупить его по подписке, то для того, чтобы удовлетворить аппетиты его «гуманных» владельцев, не хватило некоторой суммы. Тогда князь Репнин «великодушно» внес недостающие деньги, но за это оставил *за собой* право на Щепкина.

Вот отрывок из письма Щепкина, относящегося к этому периоду:

«...в декабре Котляревский известил меня, что все кончено, и купчая крепость прислана князю. Эта весть так меня озадачила, что я не скоро собрался с духом спросить, какая крепость? Ведь меня князь выкупал, а не покупал? Наконец решился спросить и в ответ услышал вот что: «Это, — говорит, — сделано по необходимости. Опекун спрашивал разрешения для продажи, следовательно, и акт должен состояться в той же форме; к тому же, князь прибавил своих 3000 р., которые ты и обязан заслужить».

Только три года спустя Щепкин, наконец, получил возможность откупиться — и вздохнул свободно.

Когда Щепкин переселился в Москву и обосновался там, его скромный дом сразу стал приютом лучших людей того времени.